

ТАЙНОЙ МУЗЫКЕ ВНИМАЮ...

Штрихи к портрету
Михаила Шаповалова

Г. О. ПОДОЛЬСК
2022

МУК "ЦБС Г. ПОДОЛЬСКА"
ОТДЕЛ КРАЕВЕДЕНИЯ

Составитель: Т. Н. Алейниченко

Жизнь перепутана снегами,
Любовью, дальними огнями,
Стихами, сутолокой лет,
Погоней за мечтой высокой...
Под голубым и зорким оком
Метель мой замечает след...

Михаил Шаповалов

Михаил Анатольевич Шаповалов родился 1 января 1942 года в городе Таганроге, городе, где родился Антон Павлович Чехов. Отец будущего поэта Анатолий Александрович Шаповалов был инженером-энергетиком, родом с Кубани, мать Александра Григорьевна Огонькова - инженером-экономистом с Вологодчины. Бабушка, папина мама, Евдокия Потаповна была казачка, чем очень гордилась. При очередной переписи населения, она болела и поэтому ее анкету заполняла Александра Григорьевна. Она потом спросила невестку: "Шура ты не забыла указать, что я казачка?"

БАБКА МОЯ

«Бабка моя, Евдокия Потаповна, кубанская казачка, знала разговорную немецкую речь. У неё кроме Библии постоянно под рукой лежала книга евангелических историй на немецком языке («колючий», шрифт). Ещё до первой мировой войны, будучи молоденькой девушкой, Дуня коротко жила в кайзеровской Германии. По договору со станицей её приняли в двухгодичную миссионерскую школу. О школе она вспоминала охотно, хотя и немногословно:

- Было нас тридцать девушек... Хозяйка у нас была хорошая, не злая. Утром завтракали с хозяйкой (кофе и хлеб с маслом), после чего до полудня шили наволочки и простыни... Как услышу стук ножной швейной машинки, так Германию вспоминаю... Во второй половине дня учили Слово Божие на немецком... После обеда - свободное время. Гуляли в городском парке,

всегда попарно, одной ни ни... Город небольшой, весь зелёный, уютный.

Жить в Германии бабке моей явно нравилось («везде чисто, немцы - народ культурный»), но однажды она узнала, что её ждёт. Оказалось, по окончании курса их выпуск отправят... в Африку! Там создают новые миссионерские пункты. Проповедовать Слово Божие чёрным «ефиопам» Дуня была не готова. Более того, она испугалась. Сердце заняло: хочу домой! Наволочка на её подушке стала регулярно намочать слезами. На Кубань полетели письма.

И вот однажды на совете у атамана, после текущих станичных дел встал вопрос: «Как быть с Дуней? Пишет, нет сил учиться в Германии. Боится, прости Господи, с «ефиопами» встречаться. Может выкупим её обратно?...» Народ зашумел: «Выкупим девку!» И выкупили.» [6, с.138]

Сохранила семья Шаповаловых и предание о прапрадеде:

ЦАРСКИЙ ПОЛТИННИК

«В молодые годы мой прапрадед проходил военную службу на Кавказе в пластунах. Был на передовой линии, разделяющей мирную территорию от опасной, где хозяйничали шайки горцев. Они совершали набеги на ближайшие станицы, угоняли скот, жгли хаты, вступали в боевые стычки с казачьими гарнизонами. От прапрадеда дошёл до меня рассказ, своего рода семейное предание:

- В одном неожиданном бою, навязанном нам абреками, меня контузило, какое-то время я провёл без сознания. Очнулся... Бой сдвинулся куда то в сторону, из дальнего подлеска слышались крики и выстрелы. Я поднялся с земли, преодолевая боль, осторожно пошел, догоняя своих. Неожиданно у большого куста я услышал тихий

голос... Привалюсь к валуну, сидел чернобородый горец в луже крови. Из рваного живота его тут же на землю выпали кишки... Бормочет: «Алла... Алла» И о колено шашку выправляет погнутую. Как будто она ему ещё понадобится! Одной ногой, можно сказать, уже в могиле, а шашку к бою готовит. Век не забуду этого абрека!.. Но помню и другое.

Однажды забегали наши командиры. В чём дело? Подумалось, опять в поход, случилось что-то. Оказалось, по телеграфу пришло сообщение: гарнизон посетят Его Императорское Величество, Государь Александр Третий.

Настал ожидаемый день. Несколько сот казаков выстроилось вдоль дороги. Стоим, ждём. Солнце припекает. Командиры посматривают строго: всё ли в порядке. Наконец запыхала вдали дорога. Проскакал мимо конвой Его Величества, и к построению приблизилась лёгкая открытая коляска. Остановилась как раз против меня. Я хорошо видел царя. Богатырь! Косая сажень в плечах! Как шагнул на подножку коляски, выходя, она опасно накренилась, ещё немного и опрокинулась бы. Посмотрел вправо, посмотрел влево и, как в трубу, протрубил:

- Здорово, братцы-пластуны!

Мы, Понятно, в ответ, не жалея наших глоток:

- Здра... жла... ваш... импер... вел...

Он усмехнулся, довольный:

- Молодцы! Что молодцы, то молодцы.

И бросил через плечо:

- Выдать всем по полтиннику!

Сел в коляску и укатил.

А через день вновь запыхала дорога. Привезли кованный сундук с царским подарком. Писарь всем под расписку выдал серебряную денежку. Казаки потом при случае за те полтинники пили за здоровье Его Величества. Я же

монету хранил как память. Отслужил, в родную станицу вернулся, держал полтинник в красном углу за иконами... И попал он в трудные времена в лапу армавирскому торгашу-армянину.» [6, с.178]

В военные годы, когда отец был на фронте, Миша Шаповалов с мамой жили в вологодской деревне Печаткино, где жила его вторая бабушка, мамина мама, тоже Евдокия, но Федоровна.

Печка русская, полати,
Вьюга стонет за окном.
И колодец, словно в вате,
В белом снеге с серебром.
Мама двигает ухватом
Чугунки, - лицо в огне.
Тень танцует на стене...
(Было, было всё когда-то
И запало в душу мне!)
Вечер долгий, вечер синий,
Ходит волнами тепло,
Но затягивает иней
Кухонное стекло.
И заглядывает с краю
Красной меди лунный ком...
Тихий мальчик, засыпаю,
Засыпаю за столом...

О фронтовых буднях отец сохранил тёплые воспоминания:

«ВОЙНА И МИР»

«Мой отец, участник Великой Отечественной, рассказывал:

- Только прилёт после тяжёлого дня, кто-то трясет за плечо. Глаза открыл - однополчанин:

- Анатолий, к командиру! Быстро!..

Бегу траншеей...Поворот... Ещё поворот... Дверь блиндажа. Стучу. Вхожу. Руку к пилотке:

- Товарищ гвардии...

Но командир меня обрывает:

- Довольно. Не тянись, - прошу сесть.

Сажусь напротив. Командир спрашивает:

- Слушай, Шаповалов. Ты, говорят, до войны в институте учился?

- Так точно, учился.

-И книги всякие читал?

- Приходилось.

- А «Войну и мир» Толстого читал?

В глазах его живой интерес.

- Читал.

- Слушай, Шаповалов, - сам глянул на ручные часы, - расскажи ты мне минут за десять, в чём там дело... Я засмеялся:

- Ну и как? Рассказал?..

Отец - начальственным тоном:

- Приказ командира - закон для подчинённого.

Через мгновение смеёмся: оба.» [6, с.137]

Когда окончилась война и отец демобилизовался семья Шаповаловых перебралась на житьё в город Сталинград: двум специалистам, двум инженерам легче было найти работу в большом городе, которому предстояло возродиться. Ярким, но хрупким кажется юному поэту послевоенный мир:

К глазу мальчик подносит трубу,
Слышит тихий стекольчатый звон,
Видит синий, как небо, цветок
И весенних трав изумруд.
Но едва он трубу повернул,-
Как рассыпался прежний узор
И пчелиных сот ячеи
Мёдом залило золотым.
О!.. Подарок воистину щедр:
Можно солнце дробить в лучах,
Можно лунный лепить опал,
Отуманенный по краям.
И – как хочешь! – краски мешай,
Первозданней выйдет расклад...
Сладко строить из ничего
Этот пёстрый и хрупкий мир!

В Сталинграде семье дали три маленькие комнаты в коммунальной квартире, в которой родители прожили до 50-летнего возраста. Там, в Сталинграде, Миша поступил в школу №290, которую окончил в должное время.

В советских городах в ту пору было много пленных немцев. Отношение у послевоенной детворы к побеждённым недавним врагам было тогда двоякое:

НЕМЦЫ

«Колонна спускалась с пригорка. Впереди шли четыре автоматчика с автоматами наизготовку. Тут же офицер, - рука на кобуре. По бокам колонны, шагов за десять друг от друга, с автоматами и овчарками на коротких поводках - конвоиры. Пленные, в выцветших мундирах со споротыми погонами и без ремней шагали ровно и молча. В этом молчании застыло неприятие ими своего позора, выработанное безразличие ко всему. Лица

худые, не тронутые загаром, взгляд прямой в никуда. Мы, мальчишки послевоенной поры, уже видели немцев. Расконвоированные, по одному, чаще в воскресенье, они приходили в наш поселок - просили хлеба, картошки, предлагали на продажу всякие поделки: бусы и полочки, вешалки и калейдоскопы. Обычные, в общем, люди. Они раскрывали свои потёртые бумажники, показывали фото своих фрау и киндер. Эти были другими. Ряд за рядом... Ряд за рядом... Ни один не повернул головы в нашу сторону. Жарко дышали овчарки.

- Гады! - выкрикнул кто-то из нашей стайки.

Ближайшая собака неожиданно рванулась на голос.

- Отойди! Отойди - не положено! - конвоир еле сдерживал овчарку. Мы отбежали в сторону... Потом гадали: кто такие? Что за колонна? Вечером от взрослых узнали: переводили в другое место особый лагерь. Эсэсовцы.» [6, с.175]

Но жило в юных сердцах и сочувствие:

Когда он играл на гармошке губной,
Взор угасший как будто в себя обратив,
Понимал или нет – ведь немецкий мотив
Пахнет только что кончившейся войной?

Но лилась над дворами «Лили Марлен»,
Надувалась натужно худая щека...
А в понурой фигуре сквозная тоска,
Невесёлая штука – трёхлетний плен.

Побеждённый, голодный, быть может, больной,
Он пришёл к нам из лагеря под выходной,
И никто выступленья его не пресек.

Подавали в пилотку ему кто что мог:
То картофель варёный, то хлеба кусок...
Был не враг этот страждущий человек.

В школе Михаил поначалу учился хорошо, до четвертого класса был отличником. Потом неожиданно его перестали интересовать школьные дела. Он стал читать, он стал членом многомиллионного союза читателей, потому что в доме Шаповаловых всегда были книги.

ДАВНЕЕ

«Лакей! - заорал он, неистово потрясая колокольчиком. -
Стаканы - грог горячий, крепкий, сладкий, на всех - глаз
подбит, сэр? - лакей! - сырой говядины джентльмену -
на глаз – сырая

говядина - лучшее средство от синяков, сэр - холодный
фонарный столб - очень хорошо - но фонарный столб
неудобно - чертовски глупо стоять полчаса на улице,
приложив глаз к фонарному столбу -ха-ха! - не так ли? -
отлично!"

Как только завязался скандал с кэбменом, я с трудом
удерживался от смеха. С появлением мистера Джингля я
прыскал, давился и постанывал от удовольствия.

Результат не замедлил сказаться: учительница
математики попросила меня оставить класс. И это перед
фактом контрольной работы в двух вариантах.

На "черной" школьной лестнице я дочитал главу, вволю
отсмеявшись. Постепенно мое сознание вернулось к
моему положению: по контрольной я получу двойку, за
плохое поведение могут вызвать родителей.

С «Посмертных записок Пиквикского клуба» началось
для меня знакомство с Диккенсом. Слуга Пиквика
воплощал, кажется, все лучшие стороны человеческой
натуры: был честен, остроумен, находчив. Я обогатил

свой лексикон его шутками и стал с большей охотой чистить обувь и одежду. Ведь этим занимался и Сэм Уэллер, а он парень что надо!..

На бабушкином сундуке лежала накидка: по светлому полю вышитые алые петухи, которые вполне сходилили за орлов. Я набрасывал накидку на плечи - выходил мушкетёрский плащ. Я надевал большие кожаные рукавицы с раструбами до локтей, в правую руку брал шпагу (шомпол с проволочным «эфесом»). Гордо выходил во двор... В зависимости от настроения я был д'Артаньяном, Атосом или Арамисом. Только не Портосом. Этот мушкетёр из-за своей толщины не вызывал у меня желания быть им.

Но и увлечение героями Дюма прошло быстро. Мой школьный товарищ Феликс принёс как-то в класс несколько пожелтевших и сильно потрепанных листков из какой-то брошюры. Оказалось, это маленькие рассказы. Я спросил: - А чьи они?

Феликс сказал:

- Наверное, Чехова... Ты читай - смешные!..

Я стал читать вслух. Вокруг собралась половина класса. Все смеялись. И я, едва не захлёбываясь от душившего меня смеха, закончил первый.

- Нет, это не Чехов! - заявил я.

- Почему?

- Да потому, что события происходят во время, когда Чехова уже в живых не было. Это...

Я перевернул страницу с рассказом и внизу под текстом увидел мелким шрифтом набранную фамилию:

Зощенко. И какую-то дробную цифру.

Я громко объявил автора и следующий рассказ:

- "В бане"...

Но прозвенел звонок, и все нехотя разошлись за свои парты. А я, положив Зощенко в учебник, с величайшим удовольствием дочитал на уроке все пять или шесть его

рассказов. В отличие от пристойного литературного языка герои Зощенко говорили на языке улицы и коммуналок. Вместо серьёзных сюжетов читателям предлагался по сути анекдот. Тем удивительнее было видеть эти рассказы изданными...» [6, с.209]

Будущий поэт помнит ещё послевоенные карточки, бедно одетых людей. Да и сам был одет не слишком... А книги уже появлялись.

«За окном ясный осенний день. В центре двора ребята гоняют футбольный мяч. Девчонки у подъезда играют в классы. Почему же я не стою в воротах своей команды в кожаных рукавицах с раструбами до локтей?

Тут в комнату входит бабушка. Голова её повязана неизменным белым платком, поверх кофты фартук, обсыпанный мукой.

- Ты дома? - удивляется она, - шёл бы лучше погулял, пока погода стоит хорошая. Пойдут дожди, ещё насидишься дома.

- Не хочу. Я читаю.

- «Опять читаю», - говорит бабушка, улыбаясь. Оба вы с отцом твоим книжники-фарисеи.

В словах её нет и капли осуждения. А то, что она сравнила меня с отцом, мне, разумеется, приятно.

Бабушка сама читает. Постоянных книг у неё две:

Библия и пересказы евангелических историй на немецком языке. Еще до первой мировой войны, будучи молоденькой девушкой, бабушка жила около года в Германии в миссионерской школе Книга с колючим готическим шрифтом - память для неё о том далёком времени.

Сколько себя знаю, в доме всегда были книги.

Почтальон приносил по подписке очередные тома приложений к «Огоньку»: Гоголь, Гончаров...

Выписывалась «роман-газета». С юбилейным Пушкиным 1937 года соседствовал четырёхтомник Лермонтова, далее шли Чехов, Мамин-Сибиряк, Короленко, Некрасов... Из зарубежных писателей помню Мопассана, его от меня постоянно прятали. «День мира» с промежутками в несколько лет я буду читать не раз. Заглядываю в него с удовольствием и сегодня. Но тогда, мальчиком, я рассматривал виды Парижа, Нью-Йорка, тропические пейзажи. Или карту «Великое нашествие 19??»

Отец не только научил меня любви к книгам. Он исподволь ввёл в круг моего чтения поэтические создания. Разумеется, когда я читал впервые поэмы Пушкина и Лермонтова, то меня трогала прежде всего событийная сторона произведения: кто кого победит. Я радовался, дойдя до строк:

Как град посыпалась картеча:
Пальбу услыша издалеча.
Направля синие штыки.
Спешат ширванские полки...» [7, с.433]

Бесспорно, личность отца, его личный пример, его ненавязчивые советы оказали большое влияние на формирование личности Михаила Шаповалова.

« В молодые годы отец пробовал писать, но нужно было кормить семью, профессия инженера в этом плане гораздо практичнее.»[9]

«После обеда мы прятались в тень высоких акаций. Ложились на лёгкое одеяло и читали друг другу стихи. Отец знал их удивительно много.

- А что такое талант?

-Талант - это способность к чему-либо в кубе. У одного

талант литературный, у другого - инженерный.

- А у тебя есть талант?

- Надеюсь.

- А у меня?

- Об этом рано еще говорить. Расти, учись. Позже видно будет.

- А чтобы книги читать, талант нужен?

- Ну, это скорее привычка. Она не дает еще никакого права на талант.

Минуту спустя он добавил: «Но я не знаю никого из людей талантливых, чтобы они не любили книг. Так что привычка читать - благородная привычка. Она сопутствует талантливому человеку»... [7, с.433]

ПИСЬМО

«С ребятами из соседних дворов играл я близ железнодорожной насыпи. «Прячась» от кого-то, перемахнул через насыпь и рельсы на другую сторону путей и скатился вниз. Тотчас увидел на земле белый треугольник. Что это письмо свидетельствовал адрес, написанный неровно карандашом. Я сунул письмо в карман, и, никому ничего не говоря, продолжил игру. Вечером положил находку на стол перед отцом.

- Что это?... Где ты его взял? - спросил он, раскрывая помятую страницу из школьной, в клеточку, тетрадки. Я объяснил.

Отец быстро прочитал карандашный почерк. Свернул страницу в прежний треугольник.

- Ты кому-нибудь показывал письмо? Хвастал, что нашёл его. Сам читал?..

- Нет, - ответил я,

- Так... Хорошо...

Он раскрыл ящик стола, достал коробку, где хранилась всякая мелочь: скрепки, кнопки, лезвия для безопасной бритвы и в том числе почтовые марки.

Оторвал одну. Наклеил. Я смотрел на его действия.

Помню его слова:

- Письмо это написал заключённый родным своим в семью. Он сумел выбросить его из вагона, когда эшелон с такими, как он бедолагами, прогоняли через город. Он очень надеялся, что письмо его попадёт в добрые руки, и его опустят в почтовый ящик. Марки у него, понятно, не было. Вот я и наклеил марку. А ты - доведи дело до конца: брось письмо. Бог даст, дойдёт. Да не в наш ящик на углу, а где-нибудь дальше, лучше в ящик на проспекте. Понял?.. И держи язык за зубами. Теперь иди, меня ждёт «Сопrotивление материалов».

Позднее я узнал, что спецпоезда с политическими заключёнными, как их не «засекречивали» видели по ночам рабочие второй смены, возвращаясь домой. Видели и другие «полуночники». На следующий день после разговора с отцом я отправил письмо.» [6, с.127]

ЗА КАРТОШКОЙ

«- Завтра поедem на базар. Будем покупать картошку.

Поможешь, - сказал папа.

Я обрадовался. Стояла зима, снежная, с длинными ночами, с жёлтой огромной луной. Утром, захватив санки и верёвки, чтобы привязать к ним мешок, мы пошли на трамвайную остановку. До городского рынка езды было около часа. Трамвай стучал тяжелыми колёсами по замёрзшим рельсам; отчаянно звонил вагоновожатый; кондуктор громко объявляла остановки, без чего легко было бы сбиться, где мы, - окна вагона покрывал тонкий панцирь синего льда с белой порошей. Входили и выходили люди краснолицые от мороза.

Наконец, приехали.

Прежде чем отправиться к торговым рядам, мы зашли в магазинчик «Табак». Внутри его стены и прилавки были расписаны в лубочном русском стиле: какие-то райские

яблоки и черно-золотые перья. Папа купил пачку «Севера», папиросы эти ещё недавно звались «Норд», и коробок спичек. В магазинчике хорошо пахло свежим табаком.

- Картошку надо покупать у чувашей, - сказал папа, и мы вошли в ворота рынка.

Следуя вдоль картофельного ряда, папа придирчиво спрашивал у продавцов:

- Есть картошка из Чувашии?.. Есть картошка из Чебоксар?

Мы прошли почти треть ряда, когда женщина, закутанная в платок до самых бровей, весело откликнулась:

- Шубашкар! Шубашкар!

Папа сторговал внушительный мешок картошки. Его помог установить на санки и закрепить веревками молчаливый мужик, стоявший тут же. А когда хозяйка картошки вышла из-за ряда, чтобы получить деньги, я увидел с удивлением - она обута в лапти! Онучи на ногах были крест накрест перевязаны, а лапти, белые, ладные, новые смотрелись на растоптанном нечистом снегу почти празднично.

Папа тянул санки за верёвку, шёл впереди. Я упирался в мешок руками и толкал санки сзади.

Дома я спросил:

- Почему продавщица была в лаптях? Разве ей не холодно?

Папа улыбнулся:

- Когда-то большинство людей носило лапти. Не думаю, чтобы наша чувашка себя не берегла. Платок - до глаз. Ноги в шерстяных онучах, сверху - лапти. Легко и удобно... А картошку мы купили рассыпчатую! На зиму хватит.» [6, с.162]

АРБУЗ

«Когда ешь спелый арбуз - невольно становишься оптимистом. Арбуз должен быть полосатым, косточки - мелкими и черными, мякоть - алой и сочной. Процесс поедания арбуза способствует рождению воспоминаний... Вижу мысленно за обеденным столом дорогие лица. Все смотрят, как папа занёс над арбузом нож. Он улыбается и говорит выжидательно:

- Ну?

Едва острие ножа коснулось шляпки арбуза, корка треснула. Общая радость! Папа шутит: Вот если б я жил один, весь бы мне достался. А так - приходится делиться. Скибки аккуратно раскладываются по блюду. Практически они равны. И все-таки... Та, что слева, по моему, в массе более других. Острый момент: все тянут руки к царскому угощению...

По-научному, арбуз ягода. Сезон начался удачно. Пятая ягода подряд одна слаще другой. Жить хочется!»
[б, с.204]

О матери, Александре Григорьевне, воспоминаний в прозе немного, но зато самые пронзительные стихи – воспоминания связаны с ней:

Никак, никак я не могу
Войти в знакомую картину:
Двор чисто выбелен, в снегу.
В санях я, мама на бегу
Смеётся, обернувшись к сыну.
Снег валит плотную стеной.
Воображенье где и память.
Чтоб мальчиком себя представить,

В котором жили мы вдвоём.
Но набухает влагой взор.
Увидеть маму молодой, -
Просторный деревенский дом.
На фото в рамке - деда Гришу, -
Колодец белый и забор?..
За снегом
ничего
не вижу.

Из школьных предметов Мише больше нравились история и география. Однажды на уроке истории был даже своеобразный триумф:

речь шла о Наполеоне, а ученик Шаповалов незадолго до этого прочитал книгу академика Евгения Тарле «Наполеон». Поэтому отвечал он, уйдя далеко от того, что было написано в школьном учебнике.

Учительница внимательно слушала его и, наконец, сказала: «Садись, бонапартист, «отлично»!

Класс был в восторге.

География тоже была интересным предметом для подростка..

Но самым любимым предметом все-таки была литература.

Стихи Михаил стал писать не сразу. Сначала он писал прозу.

Это было в послевоенное время, когда появились кинофильмы под таинственным грифом "Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских захватчиков". У мальчишек того поколения трофейные фильмы вызывали колоссальный интерес "Королевские пираты", "Невольник из Тафоа", "Индийская гробница", "Восьмой раунд", "Мститель из Эльдorado" и другие. Поэтому первые литературные упражнения нашего героя начались именно с подражания персонажам тогдашних фильмов. Получалось что-то в стиле Фанфана-Тюльпана. Потом Миша увлекся маленькими сатирическими рассказами в стиле Зощенко. Но однажды, перечитав свои прозаические произведения, автор-

восьмиклассник безжалостно их сжёг. Ведь это тоже творчество - вовремя понять, что хорошо, а что плохо. Он понял. Вот после этого "гоголевского" поступка и началось настоящее творчество будущего поэта.

Первая публикации его стихотворения была в сталинградской газете "Красный Октябрь" в прямом смысле на космическом уровне. Вот как вспоминает это событие сам автор:

«Это совершенно смешная история. Я прочитал в газете литературную страницу. Она состояла из стихов и рассказа. Рассказ мне понравился: он был про войну, и, ура! - наши побеждают. Как может мальчишке это не понравиться!? Что же касается стихов, то они меня разочаровали. Дело в том, что постоянное чтение дало свои результаты. А читал я Лермонтова, Некрасова, Твардовского, которого любил мой отец, Симонова и еще многих других. Поэтому я решил: если такие плохие стихи печатают в газете, то я напишу лучше. Посидел, покорпел, но ничего не получалось. Главное не знал о чём писать...» [4, с.119]

«В ту пору школьники увлекались научной фантастикой, как раз вышел знаменитый роман Ивана Ефремова «Гуманность Андромеды». Как-то я подошёл к своему ближайшему другу и сказал, что хочу писать стихи. Он не удивился, только посоветовал: не надо про весну, цветочки, поцелуи, любовь. Пиши лучше про освоение человеком космоса. Ну, я написал, отнёс в газету. А вскоре спутник полетел, моё стихотворение вместе с фотографией и опубликовали.»[9]

«Мне было лет пятнадцать, когда я «помешался на стихах», читая их в большом количестве и пробуя писать сам.»[7,с.458].

Миша Шаповалов уже в восьмом классе знал, что будет поступать в литературный институт. Этим он отчасти огорчил

своего отца, который говорил ему: «Все, что я знаю к 50-ти годам, я вложил бы в твою голову к 30-ти, и ты пошел бы дальше. А в литературе я помочь тебе не смогу, тут ты можешь рассчитывать только на себя». Начинался новый этап жизни:

Голуби детства созвездиями стали.
Видишь, как в полночи плещут крыла!
Как поворотом немислимым стаи
Вновь перечёркнута душная мгла!

Сердце замрёт, - на полёт отзовётся.
В лучшую пору нам было дано:
И напоить их водой из колодца,
И рассыпать пред ними зерно.

После окончания средней школы Михаил Шаповалов отработал на заводе два года, необходимых для минимального стажа при поступлении в творческий ВУЗ. После этого поступил в Московский литературный институт имени А.М. Горького при Союзе писателей СССР.

«Все эти годы я ходил в литературную студию при сталинградском отделении Союза писателей, потихоньку печатался в газетах. В итоге собралось достаточное количество стихов, чтобы послать в Москву. Из столицы пришло извещение, что творческий конкурс я прошёл и допущен к экзаменам»
Конечно, научить писать стихи невозможно. Но человеку пишущему крайне важна среда общения, творческая атмосфера. Нужно хорошенько потереться в этой «центрифуге». Я посещал один семинар с Николаем Рубцовым, учился в одно время с Юрием Кузнецовым, Анатолием Передреевым... Поневоле начинаешь сравнивать, сопоставлять, тянуться. Да если ещё твои творения хорошенечко пропесочат, объяснят,

чего нельзя делать... В следующий раз обязательно будешь аккуратней, точней. К тому же Литинститут даёт хорошее гуманитарное образование, а литературу, русскую и зарубежную, нам читали лучшие специалисты, авторы соответствующих учебников.»[9]

Курс, на котором учился Шаповалов был сильный: прозаик Руслан Киреев, поэт Александр Черевченко. С ним же учился подольский поэт Виктор Яковченко, вначале на заочном отделении, а с третьего курса – на очном. Но были они с Михаилом в разных семинарах.

Впрочем, учеба в институте была не совсем безоблачной. Хрущев посчитал, что литературный институт очный не нужен, и всех хотел перевести на заочное обучение. Студенты ходили с плакатами в защиту своего института, и их курс оставили на очном, а в целом очное отделение восстановили только через три года.

В памяти поэта остались восторженные воспоминания о вечерах поэзии 60-х годов прошлого столетия:

В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ

«Вечер поэзии в Политехническом музее вёл Алексей Сурков. Поэты сидели на сцене в два ряда. Впереди - стол со стулом для ведущего. Все места в аудитории были заняты. Среди пришедших послушать авторское чтение много молодёжи. Каждый поэт читал минут пять-семь и уступал место следующему. В паузах между выступающими Сурков зачитывал записки, подаваемые из зала. Отвечал на них сам, либо отдавал поэту, которому адресовано послание...

Дошла очередь и до Алексея Суркова. И снова я услышал не просто хорошие стихи, а стихи, ставшие классикой советской поэзии:

«Бьётся в месной печурке огонь.

На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза».
По рядам прошла «устная почта»: «Это Софье Кревс
посвящено. Она в первом ряду сидит».
«До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти четыре шага...»
Читал поэт.
Тот факт, что адресат стихотворения присутствует в
зале, как символ любви, победившей смерть, вызывал у
всех благодарный отклик в сердцах.
«Давно это было, чуть менее полувека тому.» [6, с.160]

Но вот, и институтские годы позади...

«Получаешь специальность литературного работника.
Значит, созрел для сотрудничества в газете, журнале, на
радио. В Волгограде подходящих вакансий не было,
устроился в институт инженеров городского хозяйства,
делали рекламные фильмы. Потом перебрался в Москву
– консультантом в журнал «Молодая гвардия». В
журнал «В мире книг» взяли уже в штат, здесь «набил
руку» на написании рецензий, литературоведческих
статей.» [9]
«Писал рецензии и статьи, но главным делом своей
жизни считал поэзию, печатал стихи в «Смене»,
«Юности», Молодой гвардии», «Сельской молодёжи» и
других изданиях.» [7,с.507]

Первая книга Михаила Шаповалова вышла, когда он был еще студентом. Он эту книгу считает слабой. Он субъективно слишком строг к себе. Конечно, были разные периоды, разные влияния, но человеческие и моральные качества нашего героя всегда были эталонными. Когда на выпускном вечере в институте Михаилу Шаповалову предоставили слово, он сказал:

«Я не знаю, о чем я буду писать, но о чем не буду писать, знаю точно».

О своей личной жизни Михаил Анатольевич скажет так:

«Мне очень повезло, не каждому так повезёт в жизни. Я женился рано, в 20 лет, на девушке, которую любил уже два года, женился по самой восторженной юношеской любви. Этим летом у нас будет маленькое семейное событие: мы женаты уже 40 лет, о чем я никогда не жалел. Моя жена Людмила Кузьминична Букреева. Она филолог, окончила Воронежский университет. Она всегда помогает мне своими советами, оценками. Мы единомышленники. Она сохранила свою фамилию по обоюдному нашему решению, так как она порой тоже публикует свои материалы, так удобнее.»[4]

Не застуди свою любовь!
И не опошли в грубой прозе,
Пора последних холодов
И поцелуев на морозе.

Пора последних холодов,
Пора надежд на ветер с юга.
С тобой, весёлая подруга,-
С тобой! – до самых петухов...

Есть отпущение грехов,
Есть радость первого свиданья
В том ощущенье мирозданья,
Где снег, и месяц, и любовь.

Молчи. Не надо больше слов.
Но знай, вовек не повторится
Всей жизни лучшая страница,-
Пора последних холодов.

И, целуя знакомую руку,
Я с надеждой смотрю на тебя,
Забывая, как медленно к югу
Журавли уплывали, трубя.

Поэт комментирует своё совместное фото с супругой:

«...Снимок, где я запечатлён с женой... В моих воспоминаниях о поэте Рюрикe Ивневе есть его высказывание о том, что он считал мою жену (Людмилу Кузьминичну Букрееву) похожей на жену Анатолия Мариенгофа...» [10]

О том, как поэт стал подольчанином, он вспоминает:

«Высунув язык, бегал по Подмосковью, искал, где можно прописаться. Совершенно случайно и счастливо удалось это сделать в Подольске. В скором времени отнёс стихи в «Подольский рабочий». Юрий Козловский, возглавлявший тогда редакцию, принял благосклонно, обещал напечатать. Обещание сдержал, с тех пор сотрудничаю с местными газетами и журналами.» [9]

Отвечая на вопрос о влиянии нашего города на его творчество, Шаповалов искренне ответит:

«Поначалу Подольск воспринимался как место жительства недалеко от столицы. Но чем больше узнавал город, тем глубже погружался в его прошлое. Писал книгу о Брюсове и через него вышел на историю Надежды Львовой. Потом оценил творчество Евдокии Ростопчиной, других связанных с нашим краем писателей. Понял, что живу в культурном городе, имеющем богатые традиции. Для литератора это важно.» [9]

Город с богатой историей постепенно стал для него родным и близким. И сегодня Михаил Анатольевич считает, что творческому человеку лучше жить в таком уютном городе, как Подольск, чем в огромном мегаполисе. Хотя соседство с Москвой, конечно, полезно.

Вёл литератор и просветительскую работу:

«В 80-е годы вёл литературную группу в Доме культуры имени Карла Маркса. Собирались, читали стихи, обсуждали. Готовили для газеты поэтические страницы, которые становились событием культурной жизни. Сейчас это утрачено, но люди, которые посещали те встречи, до сих пор вспоминают их с благодарностью.»[9]

Журналист Елена Орлова, заведовавшая библиотекой ДК им. Лепсе в 90-е годы, вспоминает о зажжённой поэтом и критиком Шаповаловым «Зелёной лампе» - его замечательном авторском проекте:

«Михаил Анатольевич Шаповалов вел литературную гостиную при библиотеке ДК им. Лепсе с 1990-1994 годы. Его рассказы о современных поэтах и поэтах прошлых лет были удивительными подарками для слушателей. Жаль, что видео не было в то время...Но, в сердцах осталась память о блестящих лекциях, особенно о Рюрике Ивневе, Валерии Брюсове, Надежде Львовой, Волошине, Рубцове и многих др. Он рассказывал долго, часами, об их творчестве и жизненном пути. Встречи назывались " Зеленая лампа". И этого уже не будет никогда и нигде... Жаль...»

Ещё одной знаменательной вехой на жизненном пути Михаила Анатольевича стало Остафьево:

«- Тропа из Подольска привела прямиком в Остафьево... считаю, что мне очень повезло. Место уникальное, здесь жили Карамзин и Вяземский, бывали Жуковский и

Пушкин... До наших дней сохранились главный дом... и парк. Остафьево заставило меня перечитать, а во многом и переосмыслить Пушкина.»[9]

«- ...Я пошел в музей по необходимости, чтобы получать ежемесячно хоть какие-то деньги. Ведь мы с женой умудрились прожить 18 лет на мои гонорары. Но пришло время, когда надо было идти на постоянную, но, быть может, не свойственную мне работу. Жена устроилась в Музей профобразования в Ивановском, а я - в Музей-усадьбу «Русский Парнас» в Остафьеве...

Благодаря этому, я написал несколько принципиальных статей, которые позволяют говорить, что Пушкина у нас до сих пор преподают по-школярски, как это повелось с 30-х годов вульгарного социологизма. Если внимательно читать разные материалы, становится ясным, что фактически многое было не так.

- Я благодарен музею за то, что я заново перечитал Пушкина и написал несколько статей со свежим взглядом на Поэта. Да и сама усадьба очень хороша, и она помогает отойти от злобы дня. Как известно, поэзия, лирика людей сближают, а политика разъединяет. А в Остафьеве я нашел ту лирическую атмосферу, которая позволяет писать...» [4, с.127]

Есть у Михаила Анатольевича и свои любимые поэты:

«- Скажу так: кумиры мои с течением жизни менялись, пока не установилась лирическая цепь - от Пушкина до Бунина и Блока и от Георгия Иванова до Рубцова...»

В Союз писателей Михаил Шаповалов вступил, как он считает, поздно, в 37 лет. Но голосование было не традиционным: все члены приемной комиссии проголосовали «за», то есть единогласно. В творческих союзах такое бывает очень редко. Недавно, к 60-летию со дня рождения, Союз писателей России сделал поэту

отличный подарок: выпустил сборник его избранных стихов «Грусть о снеге». [4, с.128-129]

Поэт рассуждает о своих собственных стихах:

«Просто о стихах говорить трудно. Я-то их вижу целиком, потому что смотрю на них как на единую музыкальную композицию или даже картину, на которой изображено и то, и другое.»[10]

А вот, что думают о его творчестве собратья по перу:

«Перед нами книжник, который рифмуется со словом «подвижник»... Он владеет большим «репертуаром» литературных средств, ему есть, что сказать...» (Поэт и критик Илья Фаликов) [2]

«...Шаповалов является продолжателем традиций представителей Серебряного века, человеком высокого вкуса, тонким и очень точным поэтом, у которого нет стихов скандальных, но есть стихи глубокие.» (Поэт Юрий Паркаев)[2]

«Стихи Шаповалова, в какие бы годы они ни были написаны, принадлежат к Серебряному веку. Они полны отзвуков и цветных теней той славной поэтической эпохи. Среди вдохновителей поэта – Бунин, Гумилёв, Ходасевич, акмеисты и символисты. В образном ряду – «поцелуи на морозе, московские улочки и петербургские набережные, «киммерийский виноград»,

«сомнамбулические тени», «розы бледные заката»...[3]

«Впрочем, надо заметить, в целом Михаил Шаповалов поэт не «философического» склада, он не стремится во что бы то ни стало вскрыть ускользающую от человека суть созданий Божьих. Он ими любит, страшась осыпать душистую пыльцу цветка, смять узор крыльев бабочки или прервать предосенний сон шмеля...»

Через все книги струится свет родины под белоснежным небесным покровом. Снег, снег, снег... как символ чистоты, свежести и силы, как символ России.»[1]

Сам поэт об образе снега в своих стихах отзывается следующим образом:

«-Это идёт от мироощущения, которое определяется и днём рождения. В Сталинграде, вплоть до строительства ГЭС, зимы были великолепные. Встанешь на лыжи, съедешь на Волгу, бежишь на другой берег. Катались до самого вечера, картошку пекли в костре... Сейчас этого нет, но снежная, вьюжная музыка звучит и зовёт по-прежнему.» [9]

Современное литературоведение ставит Шаповалова в перечень русских поэтов второй половины 20-го века. Справедливо ли это?

«-Это соответствует действительности. Именно то время я ощущаю своим. Конечно, жизнь продолжается и в нынешнем столетии, но отчего-то стихи приходят всё реже.» [9]

Особое место среди книг Шаповалова занимает, вышедший в 2005 году, сборник издателя Г. Саамова в художественном оформлении Л. Давыдовой и С. Копычева - «Избранное»:

«Дизайн сперва кажется мрачноватым – белое, чёрное, полутона... С другой стороны, такое художественное выражение содержания попадает в «десятку», оно даёт верный настрой перед внимательным чтением.

Книга не призвана развлекать уставших, но готова вести беседу на равных, готова дать подсказку и вывести из метели времени, понемногу убеляющей наши волосы, в ту сферу, где суета уже позади. В «Избранном» - мудрость глубокого поэта, точность

свидетеля-документалиста и выводы чуткого прорицателя.

Книга формировалась не по принципу хронологии, а по какому-то тематическому чувству. Поэтому в один раздел могли попасть стихотворения очень разные: «молодое» и недавно написанное. Между ними – несколько десятилетий, но они напечатаны рядом, потому что их так лучше воспринимать.

- Если говорить о прозе, то, пожалуй, мне важнее раздел, который называется «За пушкинской строкой».

Старые темы!.. Тем не менее акценты – другие, извлечены не самые популярные факты...

Но есть и такие факты, свидетелем которых был только я. Поэтому включены статьи о Николае Рубцове, о Георгии Шенгели, о Рюрике Ивнине... Для меня это важно.

Судьба сводила меня с удивительными людьми.

Например, я был знаком с человеком, который отсидел 18 лет и встречался с Мандельштамом в Воронеже, в журнале «Подъём». Это был Николай Якушев... Якушев был намного старше других, сидел неподалёку, один.

Вдруг встал, стукнул кулаком по столу и сказал: «Вы ж настоящего поэта не видели!» Мы ему: «А ты видел?»

Оказалось, что видел... Больше того, получил от Осипа Эмильевича автограф на книге «Камень»:

«Приходящему от уходящего»...»[10]

Одобрительно встретила критика и книгу:

Шаповалов, М.А. Статьи. Литературные силуэты / М.

Шаповалов .- Подольск: Издатель Саамов, 2009.-168с.

«Разумеется, всем нам дороги подробности творческой жизни таких корифеев, как Грибоедов и Вяземский, Гоголь и Тургенев (с материалов о них начинается книга, но кто сохранит память о «незнаменитых,

негромких и нераскрученных», а ведь без них история литературы – не история. Сохраняют её такие, как Михаил Шаповалов. Он пишет о лично ему знакомых собратьях по перу Борисе Копчикове, Леониде Борисове, Сергее Дрофенко и других. Для будущих историков нашей литературы книга Михаила Шаповалова станет бесценной.» [5]

Администрация города Подольска наградила Шаповалова М.А. медалью «220 лет Подольску» и Почетным знаком «За заслуги перед городом». Внимание к его юбилею проявил и музей «Русский Парнас»: Министерство культуры Российской Федерации отметило просветительскую и литературную работу писателя знаком «За достижения в культуре».

...Много ль надо для счастья?
И как оно выглядит, счастье?
Молод ты или стар,
Если мир беспредельно раскрыт, -
Не печалься, что ты не обласкан
Ни славой, ни властью,
Помни день этот лёгкий
И сердца смятенного ритм.

Вспоминая свою юность, поэт заметит:

«Мне часто снилось, что я летаю. В ушах лёгкий звон. Сверху наплывает какое-то сияние. Я смотрю вниз и вижу крыши домов, двор, деревья. Узнаю наш дом. Сон короткий, но он пронизывает всего блаженством.» [7, с.436]

Пройдут годы, и наступившая зрелость подведёт былому черту:

Мне больше не снится, что я летаю,
В астральные сферы врываю крылом,
От сладкого ужаса замираю
И только в груди ощущаю тепло.

Был я частицей тайного братства,
Небыль мешал с заповедной мечтой.
На дольнюю землю бросая взгляд свой,
Видел в дымке её голубой.

Земля проступала под облаками,
Беззвучно зывала: «Вернись! Куда?..»
Луной осиян, я плыл над лугами,
В полночных озерах мерцала вода.

В лугах было пусто, в лесах было немо,
Я зорко смотрел, напрягая слух,
И мог бы рукою коснуться неба,
Безгрешен, как ангел, и легок, как пух...

И что за сила влекла, - не знаю, -
Я круг за кругом пытал высоту...
Мне больше не снится, что я летаю,
Как будто былому подвел я черту.

Каждого из нас заденет за живое поэтическое моление Михаила
Анатольевича Шаповалова:

МОЛИТВА

Я плутал меж правдой и ложью,
Матерь Божья!
Прихожу к твоему подножью,

Мать Божья!

Пламя свечи, как лист дорожный,
Мать Божья!
Будто умер я, будто ожил,
Мать Божья!

Новый день испытанья множит,
Мать Божья!
Стал твой лик печальней и строже,
Мать Божья!

Дай мне силы принять без дрожи,
Мать Божья,
Что судьба мне в суму положит,
Мать Божья!

Подольский поэт Александр Герасимов посвятил собрату по перу стихи, которые станут завершающим штрихом к портрету писателя - земляка Михаила Шаповалова:

ПОЭТУ МИХАИЛУ ШАПОВАЛОВУ

Листва летит, летит... с календарей,
Сменяется сезон, как стая птичья...
И обмирают ветви тополей
От истинно морозного величья.

Поэт глядит в окно, как сибарит, -
Настал январь, но не было метели –
Листает книги Пушкина, Шенгели,
Грустит поэт, о снеге он грустит...

Заварку разбавляет кипятком,

Вокруг привычный мир, не отвертеться;
И всё ж обрывки музыки меж строк
Проходят без препятствий в область сердца.

Дела ведут Литейной напрямик,
Грежат: мороз, планета... Катастрофа!
А в мыслях лишь цитаты, рифмы, строфы...
Дела ведут, и поднят воротник.

Вдруг время тормозит и с торжеством
Встаёт на скособоченную площадь,
Оно же знаменосец, над шестом
Цветастое полотнище полощет...

И, словно из-под купола факир,
Из рога изобилия, как манну,
Просыпал Бог такую долгожданную,
Прелестную метель на грешный мир...

Снег падает, лежит и вновь идёт,
Повсюду ночь, утихли разговоры,
Лишь флейта одинокая поёт –
Выводит заплутавших на просторы...

Полёт шмеля – круженье снежных ос,
И ось планеты ритмы ворожит.
Всё правильно: то снег, блестя, лежит,
То вьюга мглою... ой, мороз-мороз...

Александр Герасимов – подольский поэт [1]

Список литературы

1. Булгакова, Инна. «Голуби детства созвездьями стали...» / И. Булгакова // Москва. – 2005. - № 11. – С. 220-223.
2. Герасимов, Александр. Подольский книжник-подвижник : Силуэт поэта Михаила Шаповалова между спутником и журавлями / А. Герасимов // Подольский рабочий. – 2009. – 5 февраля. – С. 7.
3. Горлова, Надежда. Элизиум Серебряного века / Н. Горлова // Литературная газета. – 2005. - № 32. – С. 14.
4. Саамов, Г. И. Поэт / Г. И. Саамов // Плач Кукушки / Г. И. Саамов. – Подольск, 2003. – С. 116-129.
5. Смуров, Ф. Подробности истории : [рецензия на книгу М. Шаповалова "Статьи. Литературные силуэты" (Подольск, 2009)] / Ф. Смуров // Литературная газета. – 2009. - №18 : приложение "Подмосковье : культурная реальность. Вып.34. – С. 2 : ил.
6. Шаповалов, М. А. В этот тихий час: стихотворения, статьи, записки / М. А. Шаповалов. – Подольск : Информация, 2013. – 224 с. : ил.
7. Шаповалов, М. А. Избранное: [стихотворения, проза] / М. А. Шаповалов. – Подольск : Издатель Г. Саамов, 2005. – 520 с. : ил.
8. Шаповалов, М. А. Ночная флейта: стихи / М. А. Шаповалов. – Москва : Новый Ключ, 2001. – 63 с.
9. Шаповалов, М. А. Сочинитель грустных стихов / М. А. Шаповалов ; интерв. Р. Лазарев // Подольский рабочий. – 2012. – 13 января – С. 9 : портр. – (Собеседник).

10. Шаповалов, М. Счастливый культуртрегер / М. Шаповалов; беседу вёл А. Герасимов // Подольский рабочий. – 2005. – 24сент. – С. 7 : портр
11. Шаповалов, М.А. Статьи. Литературные силуэты / М. Шаповалов .- Подольск: Издатель Саамов, 2009.-168с.

